

ГОРОДСКОЙ САД В ЕЛЬЦЕ
Открытие, начало 1900-х годов
Собрание С. В. Красновой, Елец

как она спешит ко мне в своей серенькой юбочке и голубой рубашечке...

Но утром она не пришла. Не пришла и на другой день. На вокзале узнал: машинист Ковальский переведен на Донецкую дорогу, а на какой именно участок будет назначен там, неизвестно.

<16 марта 1944 г.>

Парижский архив Бунина.

Впервые опубликовано в Нью-Йорке: ранняя редакция (с датой «16.3.44») — в 1959 г.; окончательная редакция (без даты; с сокращениями и стилистической правкой) — в 1962 г.

Печатается по тексту последней публикации. По свидетельству Л. Ф. Зурова, окончательная редакция рассказа (машинопись с авторской правкой) находилась в пакете с материалами, которые Бунин предназначал для печати («пакет, в котором „Зимний сон“ и прочее»; см.: Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 482).

Воспроизведено (в окончательной редакции, но без даты и указания на источник): «Смена», 1964, № 6.

«КОГДА Я ВПЕРВЫЕ...»

Ходит по его большому кабинету в необычное время, в одиннадцатом часу темного петербургского утра, горячо говорит, слушая только себя, — тонкая кожа щек горит розовыми пятнами, продолговатое лицо очень похорошело:

— Когда я впервые...

Уже забыла, что хотела сказать только одно, — «просто и честно» признаться в своей любви к другому, — ушивается теперь своей театральностью:

— Когда я полюбила тебя или вообразила, что люблю... Когда я, неопытная, не знающая жизни, доверчивая девочка, впервые взглянула в лицо действительности...

Внезапно вошла к нему в халате, после ванны, вся пахнувшая миндальным мылом, с красиво убранными блестящими волосами, и сама чувствует, что должен чувствовать он, глядя на движения ее высокого тела под мягкой фланелью, подпоясанной длинным шнуром, на то, как открываются от быстрой ходьбы ее длинные ноги в натянутых черных чулках...

— Я решила наконец просто и честно, как порядочная женщина, положить конец тому двусмысленному положению, которое образовалось между нами — лично для меня, по крайней мере...

Он, повернувшись в кресле возле письменного стола, уже одетый с утренней тщательностью для выезда в город, слушает идиотически, думает «положить наконец конец!» и делает вид, что очень занят стряхиванием в пепельницу пепла с папиросы. Бормочет фальшиво-дружески:

— Да, да, пожалуйста, говори все откровенно, напрямик... И поверь, что я сумею стать выше эгоистических соображений...

— Да, прежних чувств у меня к тебе нет! Да, ты убил их во мне!

— Чем, мой друг?

— Всем, всем!

— Например?

— Например! Когда я впервые поняла наконец, что все то духовное, чистое, на что я так страстно надеялась, вступая в жизнь...

Он сидит, опустив голову, пристально разглядывая свои размытые ногти, уже бледнея от злобы, и тихо говорит:

— Позволь тебе напомнить, что, «вступая в жизнь», ты имела уже двадцать восемь лет...

22.4.44

Парижский архив Бунина. Впервые опубликовано в 1961 г. в Нью-Йорке. Печатается по тексту этой публикации.

Воспроизведено: «Неделя», 1962, № 17, без даты и без указания на источник.

ЖЕЛЕЗНАЯ ШЕРСТЬ

Предисловие Э. В. Померанцевой

В этом рассказе использованы поверья и былички о русалках, лешем и оборотнях, распространенные в средней полосе России, в частности в Орловской и Тульской губерниях. Так, в конце XIX в. в Орловской губернии было записано множество рассказов о лешем, в том числе о встрече его с девушкой в лесу, о девушке, ушедшей в монастырь, чтобы избавиться от сладострастного змея, и др. В рассказах этих рисуется облик лешего: «Старый, старый, как человек, бородача длинная, голый, вот как есть человек, а руки-то волосатые, мохнатые»; в поверьях, записанных в Орловской губернии, рассказывается и о русалках: «Ходят голые, волосы по самые пятки. Бегают по лесу, ищут человека, чтобы зачекотать» (Архив Гос. музея этнографии, ф. В. Н. Тенишева. Орловская губ., раздел Ж). Возможно, Бунин знал популярную в начале 900-х годов книгу С. В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила» (СПб., 1903), в которой есть описания лешего (стр. 68—77), русалок (стр. 100—104), кликуш (стр. 147—158) и оборотней (стр. 105—108). «Деревенские слухи, — пишет Максимов, — очень настойчиво приписывают, между прочим, лешим страсть к женщинам и обвиняют их в нередких похищениях девушек. Кое-где рассказывают об